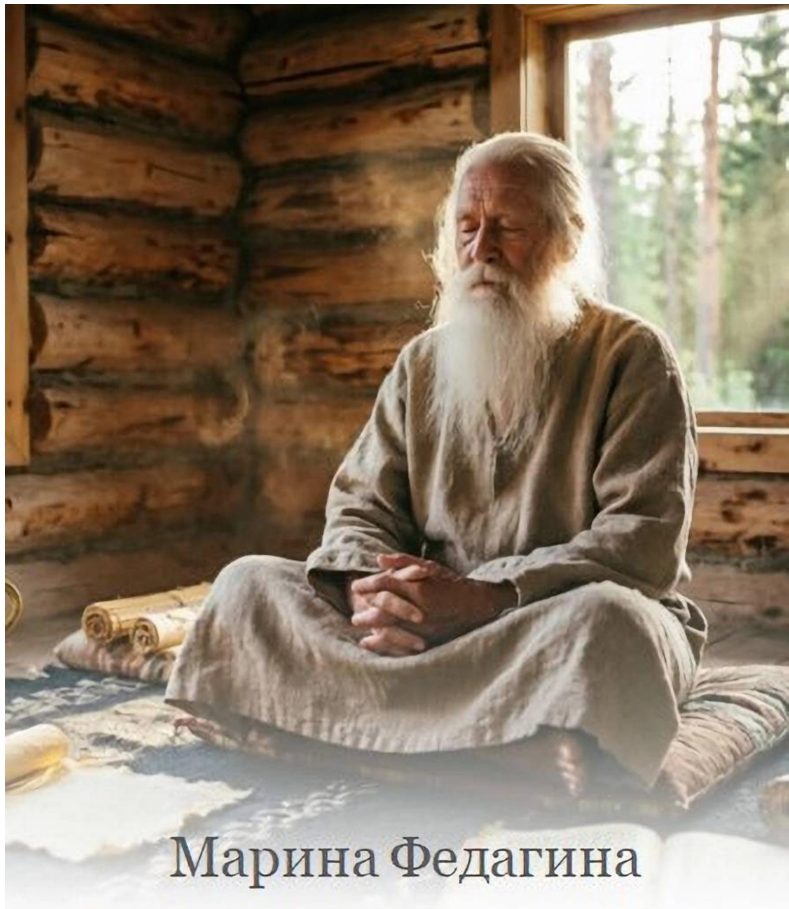

Отшельник

Марина Федагина

Отшельник

Серия «Тайна души», книга 3

<https://litres.ru/73864701>

SelfPub; 2026

Аннотация

1995 год. Майя, студентка МГУ, видит то, чего не видят другие: поля людей, их тревогу, усталость, боль. Она научилась прятаться от этого шума, но не жить с ним. Когда отношения с парнем рассыпаются, Майя остаётся наедине с вопросом: почему она такая?

Папка деда с грифом «Проект К*» и дневники матери, прошедшей через секретные эксперименты в 1973 году, дают первые нити. За ними — тайга, староверы, легенда об Огне Рода. И человек по имени Григорий, который в 1952 году открыл дверь в восприятие и не смог её закрыть, а потом исчез.

Майя бросает аспирантуру и едет на Урал. Под землёй, в лаборатории, построенной в центре геомагнитного узла, её ждёт учитель. Ему нужно передать знание. Ей нужно научиться не брать силу, а проводить её.

Роман о девушке, которая прошла через иллюзию нормальности, боль отвержения и жар в позвоночнике. О том, что чувствительность — не диагноз, а память рода. И что иногда,

чтобы стать целой, нужно дойти до места, где компасы врут, а деревья говорят.

Содержание

Глава 1. Нить	5
Глава 2. Иллюзия	11
Глава 3. Разрыв	16
Глава 4. Костя	21
Глава 5. Почему?	28
Глава 6. Первая тетрадь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Федагина

Отшельник

Глава 1. Нить

Сентябрь 1995. Москва. МГУ.

Лекционный зал гудел, как раковина, прижатая к уху. Сто голосов, сто дыханий, сто полей, наложенных друг на друга. Майя сидела у самого окна, на последней парте. Ручка лежала в ладони. Она не писала.

Дмитрий Иванович у доски чертил мелом спираль. Говорил о нуклеотидах, о двойной цепи, о коде, зашитом в каждой клетке. Слова были точные. Сухие, как опавшие листья.

Майя перевела взгляд на аудиторию.

Воздух над головами дрожал. Жёлтые вспышки — амбиции, острые, как иглы. Серая мгла — усталость, тяжёлая, оседающая на плечи. И рваные красные нити — тревога. Они путались, сплетались, тянулись к вискам. Давили на грудную клетку. Кожа ныла.

Она прикрыла веки. Сделала глубокий вдох.

В памяти всплыл отцовский голос: «Не отталкивай. Собери в центр».

Майя представила белый шар где-то под рёбрами. Медленно расширила его. Чужие краски отступили, потускнели,

ушли на периферию. Дышать стало легче. Гул превратился в ровный фон.

— Майя?

Голос рядом. Соседка по парте. От её руки шло ровное, прохладное зелёное поле.

— Вас спрашивают.

Майя открыла глаза. Подняла голову.

Дмитрий Иванович смотрел поверх очков. Мел крошился у него на пальцах.

— Вы согласны с классической теорией наследственности?

— Да, но... — голос прозвучал тише, чем хотелось.

— Но?

Майя сглотнула. Пальцы сжали ручку.

— Она учитывает только цепь. А где среда? Где... то, что меняет её изнутри?

В зале хмыкнули. Кто-то кашлянул.

Преподаватель снял очки. Протёр стёкла краем пиджака.

— То, что меняет изнутри, — это философия, Майя. А у нас биология. Цифры. Микроскоп. Факты.

— Граница тонкая, — тихо сказала она.

— Садитесь.

Майя опустилась на стул. Дерево холодило бёдра. Щёки горели.

Они видят только цепочку букв. А она видела, как воздух над ними дрожит. Видела, как отец держал хаос в кулаке. И

как мать плакала от чужой боли, которую не могла отвести.

Вечер. Комната Майи.

За окном Москва гудела низкими частотами. Здесь, в четырёх стенах, было тихо. Родители давно спали.

Лампа на столе отбрасывала жёлтый конус света. В его центре лежала потёртая папка.

Майя провела ладонью по картону. Шершаво. Пыль осела на кожу.

На обложке — выцветшие чернила: Проект К***.

Она раскрыла папку. Бумага внутри пахла старым клеем и сухими травами.

Первая страница. Дата: 1951. Подпись в углу — знакомый, угловатый почерк деда.

На второй — фотография. Мужчины в подвальной полутьме. Один — дед, молодой, с напряжённой шеей. Другой — незнакомец. Высокий лоб, глаза, уходящие вглубь кадра.

Майя замерла. Внутри что-то дрогнуло, как струна. Она видела это лицо. Не здесь. Во сне? Или в том самом поле, что плещется за веками?

Перелистнула. Текст. Строчки бежали ровно, уверенно, будто дед писал их, сжимая ручку до боли в суставах.

«Объект №3. Комплексное воздействие на биологический материал. 12 октября 1951 г.»

Читала медленно. Смысл пробивался сквозь строки, как вода сквозь плотную ткань.

«...изменения не фиксируются оптическими методами...»

«...реакция на растворы и частоты — положительная...»

«...Григорий утверждает, что чувствует поток. Не кожей. Внутри»

Майя остановилась на последней фразе. Грудь сжалась. Чувствует поток.

1951 год. Лысенковщина. Генетика — под ножом. А они сидели в подвале, записывали то, что боялись произнести вслух.

«...Мутация скрыта. Латентная форма...»

«...Проявится через поколение. При сочетании с носителем»

Она перечитала. Слова отозвались в крови.

Отец. Мать. Их дневники. Странные эксперименты.

И она — то, что получилось, когда две нити сплелись.

Следующий лист — другой почерк. Нервный, рубленый.

Буквы скакали, будто рука дрожала.

«Шум не уходит. Стены гудят. Люди светятся. Меня называют больным, потому что слышу то, чего нет в приборах. Ухожу. Туда, где нет людей. Где тише» «Г.Е.»

Майя прижала ладонь к строкам. Бумага была тёплой.

Он слышал. Так же, как она. Не приборы фиксировали — люди. Стены. Воздух.

Она закрыла глаза. В темноте за веками вспыхнули знако-

мые краски. Но теперь они не резали. Не давили.

Это не болезнь.

Григорий не сломался. Он просто открылся слишком широко. Без кожи. Без защиты. И мир ударил по нему.

Его называли невменяемым. Спрятали. Забыли.

А он ушёл. В тайгу. Туда, где деревья не кричат, где земля впитывает всё, не требуя отчёта.

Майя открыла глаза. Комната всё так же стояла в жёлтом свете. За стеклом гудела Москва. Но внутри, под рёбрами, стало просторно.

Она встала. Подошла к окну. Лоб коснулся холодного стекла.

Где ты? Мысль прозвучала не как вопрос. Как адрес.

1995-й. Союза нет, границы стёрлись. А тайга — всё та же. Ждёт. Дышит.

Она не знала маршрута. Не знала, как искать человека, которого официально не существует.

Но знала одно: найдёт.

Не для диссертации. Не для кафедры.

Чтобы понять, почему её тянет к шуму, который другие не слышат. Почему краски живут в воздухе. Почему тишина иногда громче крика.

Это не диагноз. Это — кровь.

Майя вернулась к столу. Открыла нижний ящик. Положила папку на дно. Рядом легли материнские тетради. И маленькая, потемневшая от времени иконка Таси.

Три точки. Мать. Отец. Тишина.

Она щёлкнула выключателем. Легла. Закрыла глаза.

В темноте цвета поплыли медленнее. Тянулись к ней, как нити. Теперь они не пугали. Они вели.

Завтра — в архив. Потом — в библиотеку.

Москва спала.

Майя лежала неподвижно. Слушала, как тишина внутри неё набирает вес.

Глава 2. Иллюзия

Октябрь 1995. Москва. Научная библиотека.

Воздух в читальном зале стоял тяжёлый, пропитанный запахом старой бумаги и пыли. Майя сидела у дальнего окна. Перед ней — стопка подшивок. Она листала не ради статей. Искала имена.

Александр Сергеевич. Григорий Ефимович.

Строк не было. Только намёки: «Северный филиал», «Объект К.».

Шум зала давил на виски. Мысли читателей просачивались, как сквозняк. Жёлтые вспышки, серая мгла, рваные красные нити... Они путались, тянулись к коже, липли к горлу.

Майя прикрыла веки. Вдохнула.

В памяти всплыл отцовский ритм: не отталкивай, собери в центр.

Белый шар под рёбрами медленно расширился. Чужое отступило, потускнело, ушло на периферию. Дышать стало легче.

— Вам помочь?

Голос прозвучал рядом. Низкий, ровный.

Майя открыла глаза. Парень в потёртой кожаной куртке. Тёмные волосы, лёгкая щетина. Но не это заставило её замереть.

Поле вокруг него было тихим. Ровным. Тёплым.
Как у Кости.

— Журнал, — кивнул он на стопку. — Ищете что-то конкретное?

— Старые статьи. Пятидесятые.

— Секретный фонд, — он усмехнулся.

— Арсений. Для своих — Арсен.

— Майя.

— МГУ?

— Биофак.

— Понятно. — Он кивнул на разложенные рядом чертежи. — Я в МАДИ.

Майя заметила нашивку на рукаве.

— «Ночные волки»?

— Брат старший затянул пять лет назад. — Он перевёл взгляд на неё. — Часто здесь бываете?

— Когда ищу то, чего нет в открытых каталогах.

— Я тоже. — Он провёл пальцем по контуру рамы на чертеже.

Майя посмотрела на его руки. Спокойные. Без дрожи. Поле не вралю.

— Может, кофе? — спросил он. — Пять минут ходьбы отсюда. Если не хотите — пойму.

— Хорошо, — сказала она.

Комната Майи.

Три дня Майя дышала иначе. Лёгко. Без привычной тяжести в груди.

Папка с проектом лежала в ящике стола, задвинутая глубоко. Дневники матери, иконка Таси — в коробке. Она не тянулась к ним. Не хотелось. Зачем ворошить прошлое, когда настоящее работает?

Она сидела перед зеркалом, расчёсывая волосы. Лицо в отражении казалось спокойным. Щёки порозовели, глаза перестали шуриться от чужих мыслей. Три дня назад она назвала бы это даром. Теперь думала иначе.

Она встала, подошла к окну. Москва за стеклом была серой, шумной, но внутри — тишина.

С Арсеном не было больно. С ним можно было просто быть собой.

Она улыбнулась своему отражению.

Я — как все.

Воскресенье. Парк.

Октябрьское солнце светило вполсилы. Листья шуршали под ногами, воздух пах прелой листвой и сыростью. Майя пришла раньше, села на скамейку у воды. Утки лениво рассекали гладь пруда, оставляя расходящиеся круги.

Арсен появился вовремя. Сел рядом, оставив привычную дистанцию.

Молчали. Смотрели на воду.

— Знаешь, — заговорил он, наконец. — Мечтаю с клубом

по стране махнуть. Крым, Кавказ, Алтай...

— На мотоциклах?

— А как иначе. — В глазах его вспыхнул огонь. — Свобода. Никаких стен. Никаких планов. Только дорога.

Майя слушала. Слова были лёгкими. Красивыми. Но они не цеплялись за землю. Мечты без маршрута. Обещания без сроков. Влюблённость, как тёмная вуаль, скрывала это. Она не хотела замечать.

— А ты? — спросил он. — О чём мечтаешь?

Она помолчала. Три дня назад ответила бы: найти Григория. Распутать узел. Теперь слова казались слишком тяжёлыми.

— О тихом вечере, — сказала она. — Чтобы никто не трогал.

— Всё?

— Для меня — много.

Он кивнул. Не стал копать. Не спросил «почему».

— Ты другая, — сказал он вдруг.

— Почему?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Но чувствую. Редко такое бывает.

— Это хорошо?

— Мне нравится.

Она выдохнула. Не испугался. Не отшатнулся. Он рядом. Он поймёт.

Обратная дорога прошла в молчании. Фонари уже за-

жглись, отбрасывая длинные, ломаные тени на асфальт. Арсен довёл её до подъезда. Как положено. Как делают все нормальные люди.

— Спасибо, — сказала Майя.

— За что?

— За день.

Он помолчал. Потом медленно протянул руку. Коснулся её пальцев. Лёгкое, почти невесомое прикосновение.

Не ток. Не ожог. Не боль.

Майя не отстранилась. Не сжалась в комок. Впервые за долгое время она просто стояла. Дышала.

— До встречи?

— Да.

Он ушёл. Не оглянулся. Шаг был лёгким, уверенным.

Майя осталась одна на ступеньках. Посмотрела на свою руку. Кожа ещё хранила тепло его ладони. Она вошла в подъезд, прислонилась спиной к холодной стене. Закрыла глаза. Улыбка не сходила с губ.

Впервые за много лет ей показалось, что она нашла своё. Что больше не нужно искать.

Что тишина — это и есть покой, если в неё верить.

Глава 3. Разрыв

Декабрь 1995. Москва.

Два месяца тянулись, как резина. Семь раз они договаривались встретиться. Четыре раза Арсен приходил. Три — нет.

В первый раз он позвонил за час:

— Брат вытащил на день рождения. За городом. Прости.

Поле в трубке оставалось ровным, тёплым. Майя сказала: «Понимаю». И поверила.

Во второй раз голос звучал так же уверенно:

— Мотоцикл привезли. Новый. Надо настроить, иначе не заведётся.

Она кивнула, хотя он не видел. «Важно», — ответила. И оправдала.

В третий раз телефон молчал. Весь день. Весь вечер. Просто не пришёл.

Парк. Скамейка у пруда.

Семь вечера. Воздух пах мокрым асфальтом и снегом. Майя сидела, сцепив пальцы на коленях. Стрелки часов двигались слишком медленно. Десять минут. Тридцать. Час.

Парк вокруг неё пустел.

Наверное, задержался. Пробки. Срочное дело.

Потом снег пошёл густо, крупными хлопьями. Они оседа-

ли на плечах, на ресницах, таяли на коже, оставляя ледяные капли.

Майя встала. Деревянные доски скамейки блестели под слоем влаги. Точно так же блестели тогда, в октябре. Только тогда рядом сидел он. А теперь — мокрое дерево и её собственное отражение в луже у ног.

Она запахнула куртку, отвернулась и пошла к кафе через дорогу.

Кафе у перекрёстка. Пахло выпечкой и сырой тканью.

Майя села у окна. Сняла куртку, положила на спинку стула. Ткань была тяжёлой от растаявшего снега. Официантка подошла с блокнотом.

— Чай. С лимоном.

Кофе она больше не пила. Кофе остался в той иллюзии, на первом свидании, когда поле Арсена казалось спасением. Теперь нужен был чай — горячий, терпкий, возвращающий к реальности.

Она обхватила чашку ладонями. Окно запотело. За ним, сквозь белые разводы, виднелась та самая скамейка. Пустая.

Семь встреч. Четыре раза он был рядом. Три — нет.

Он не был злым. Не был плохим. Просто мир вокруг него был громче, ярче, важнее. Клуб. Брат. Мотоцикл. Друзья.

А она? В конце списка. На случай, если останется время.

Холод пришёл первым. Поднялся от пальцев, прошёл под рёбра, сжал желудок. Потом на смену ему пришла острая, тонкая боль, как игла под кожу.

Я — не главное. Я — запасной вариант.

Она допила чай до дна. Лимонная косточка прилипла к губе. Выплюнула её в салфетку. Положила деньги на стол. Вышла.

Вечер. Квартира.

В коридоре бубнил телевизор. Голос диктора, отрывки новостей. Родители не трогали её. Знали: сегодня не до разговоров.

Майя вошла в комнату. Села на край кровати. Мокрые волосы тяжёло ложились на плечи. Куртка всё ещё пахла парком и снегом.

Телефон на тумбочке казался чёрным, глянцевым глазом.
Позвонить?

Она встала. Подошла. Набрала знакомый номер, не глядя на кнопки.

Гудки. Долгие. Ровные.

— Алло?

Его голос. Но не один. За ним — смех, звон посуды, музыка, бас, бьющий в трубку.

— Это я, — сказала Майя. Голос прозвучал ровно. Без дрожи. Без вопроса.

— Майя! — он узнал. В голосе мелькнула вина, но тут же растворилась в шуме. — Извини, я...

— Почему?

Он замаялся. На фоне кто-то крикнул: «Арсен, давай сю-

да!».

— Ребята вернулись из поездки. Увезли меня на дачу. Отмечать...

Отмечать. Веселиться. Жить без неё.

Майя молчала. Слушала, как смех за его спиной поглощает её тишину. Ему было хорошо. Там. Без неё.

— Майя, ты там? — голос стал ближе, но всё равно далёким.

— Да.

Внутри что-то дрогнуло и замерло. Ровное поле, которое она берегла два месяца, вдруг пошло трещинами. Стало холодным, плотным, как стекло.

— Прости. Завтра обязательно позвоню.

— Не нужно, — сказала она.

— Что?

— Не нужно.

Она положила трубку на рычаг. Щелчок прозвучал глухо, как отрезаемая нить.

Ночь. Комната.

Майя стояла у тумбочки. Смотрела на чёрный корпус аппарата.

Он позвонит. Завтра. Или через неделю. Скажет: «Извини». «Давай встретимся». «Всё наладится».

Но не наладится.

Она легла на кровать. Закрывает глаза.

Боль пришла резкой вспышкой, потом начала таять, уступая место чему-то другому. Пустоте.

Не той, что звенит от одиночества. А той, что наступает после долгого напряжения. Когда мышцы разжимаются. Когда не нужно ждать. Не нужно расшифровывать поля. Не нужно подстраиваться под чужой ритм.

Завтра, если он наберёт, трубку поднимет мать. Или отец. Скажут: «Майя занята». Или просто: «Её нет».

Она не подойдёт.

Лучше тишина, чем чужой гул. Правда, чем тёплая ложь.

Майя выдохнула. Грудная клетка опустилась. Поле внутри успокоилось, стало ровным, как замёрзшая вода.

И в этой тишине, без усилия, само всплыло имя.

Костя.

Он бы пришёл. Он бы не забыл. Он бы сидел рядом, пока она не решится уйти.

За окном гудела Москва. Фары чертили по потолку ломаные полосы.

Но внутри было тихо.

Просто тихо.

И этого хватило, чтобы уснуть.

Глава 4. Костя

Декабрь 1995 года. Ночь. Комната Майи.

В комнате было темно, но Майя не зажигала свет. Она лежала на спине, раскинув руки, и смотрела в потолок, где уличные фонари рисовали бледные, дрожащие узоры. Ветер шевелил ветки за окном, и тени медленно ползли по штукатурке, словно живые облака, несущие в себе обрывки прошлого.

Она не плакала. Слезы давно иссякли, оставив после себя лишь тяжелую, звенящую пустоту внутри, где каждое воспоминание отзывалось глухой болью под ребрами.

Костя.

Имя возникло само, без усилия, как всплывает со дна реки пузырёк воздуха.

Оно повисло в тишине комнаты, и тени на потолке замерли, словно прислушиваясь.

Она помнила первый класс. Их посадили вместе — испуганную девочку с большими глазами и тихого мальчика, который сидел прямо, не облокачиваясь на спинку стула.

Костя не играл на переменах.

Пока другие бегали по коридору, кричали, толкались, он сидел у окна и смотрел на двор. Или читал.

Майя тогда еще не умела подбирать слова для того, что

чувствовала, но уже знала наверняка: он — другой. Не такой, как Вадим с его вечными насмешками. Не такой, как девочки, которые шептались о мальчиках и куклах.

В нем была тишина - глубокая, как омут. И когда Майя уставала от шума, от звонков, от чужих голосов, она украдкой смотрела на его профиль — и внутри становилось легче. Будто его молчаливое присутствие строило невидимую стену, за которой можно было перевести дух.

Пять лет она носила это чувство в себе. Как тайну. Как сокровище. Как что-то хрупкое, что можно разбить одним неосторожным словом.

Потом был Вадим.

Майя помнила тот день до дрожи в пальцах. Перемена, гвалт, кто-то толкнул её локтем, и тетрадь Вадима с парты упала на пол. Он поднял, ухмыльнулся и сказал громко, на весь класс:

— Психопатка.

Слова ударили, как пощечина. Майя стояла, сжав кулаки, и чувствовала, как к горлу подступает ком. Она не могла ответить. Не могла защититься. Язык прилип к нёбу, а глаза предательски защипало.

И тут появился Костя.

Он не спросил, что случилось. Не стал выяснять отношения. Просто подошел, взял Вадима за воротник — легко, будто тот был тряпичной куклой — и вытолкнул в коридор.

Дверь за ними закрылась.

Когда Костя вернулся, он сел на место, открыл учебник и стал решать задачу. Будто ничего и не было. Но Майя видела, как у него на шее пульсирует жилка. Видела, как плотно сжаты губы.

Он защитил её. Молча. Не ради благодарности. Просто потому, что не мог иначе.

После того дня Вадим больше не подходил. Обходил стороной.

А Майя впервые почувствовала, что значит быть под чьей-то защитой. Это было похоже на тепло. На безопасность. На то, как если бы кто-то невидимый накрыл её плечи тяжелым одеялом в холодную ночь.

Февраль.

Майя закрыла глаза, и холодный воздух парка обдал её лицо, словно она действительно стояла там, у тех ворот, сжимая воротник пальто.

Костя пригласил её погулять. Впервые.

Она согласилась сразу, но в день встречи её вдруг охватила паника. Страх. Будто она шла по тонкому льду и знала, что он треснет.

Она опоздала нарочно. На десять минут. Стояла за углом и смотрела, как он ходит взад-вперед у входа в кафе. Переминается с ноги на ногу. Смотрит на часы.

Когда она, наконец, вышла из-за угла, Костя перестал хо-

дить. Улыбнулся. Неуверенно.

— Мог бы и цветы купить, — сказала Майя. — Раз позвал на свидание.

Она сама не поняла, зачем это сказала. Не думала. Не хотела. Но слова вырвались, острые, как осколки. Будто ей нужно было проверить его. Узнать, сможет ли он разозлиться. Сможет ли показать, что ему не всё равно.

Костя молчал. Лицо его стало каменным, и только глаза потемнели — будто в них вдруг погас свет.

— Для тебя важнее то, что снаружи, — сказал он тихо. — А не то, что внутри.

Он сделал паузу. Голос дрогнул, впервые за все годы, что она его знала.

— Нет в тебе глубины, Майя.

И ушёл. Не оглянулся. Шёл быстро, по-военному прямо.

Она смотрела ему в спину, и хотела крикнуть, позвать, сказать, что врала, что есть глубина, что она просто боится, боится, боится — но не смогла.

Но это не было концом. Это была трещина. Тонкая, почти невидимая, но уже неисправимая.

Март. Накануне

Майя помнила то утро так, будто оно случилось вчера. Солнце било в окна класса, пыль танцевала в лучах, и пахло мимозой — девочки принесли букеты, кто-то дарил открытки, кто-то конфеты.

Костя вошёл в класс и сразу увидел её. Улыбнулся - сдержанно, но тепло — так, как умел только он. И направился к её парте.

В его кармане что-то было. Майя заметила, как он придерживает ладонью выпуклость. Позже, гораздо позже, она узнала — бархатный футляр в форме черепахи.

А внутри — серебряная подвеска с её именем. Первая буква. Изящная, тонкая работа.

Он хотел поздравить. Хотел, может быть, предложить встречаться.

Хотел сделать шаг навстречу, через ту трещину, что возникла в феврале.

Но Майя увидела его улыбку. Увидела, как он идёт к ней.

И внутри всё сжалось. Страх. Паника. Будто он нёс не подарок, а приговор.

Она не дала ему подойти. Остановила взглядом — резким, холодным, чужим. И сказала громко, чтобы слышал весь класс:

— Что вылупился? Хватит на меня смотреть и улыбаться, как дурак. Я слишком хороша для тебя. Отвали.

Тишина.

Класс замер. Кто-то ахнул. Кто-то переглянулся.

Костя остановился. Секунду стоял неподвижно, и лицо его побелело, будто с него стерли всю краску. Потом он медленно развернулся и вышел.

Больше он не подходил. Не смотрел. Не улыбался.

А через неделю она узнала от подруг — Костя встречается с Катей. Девочкой из параллельного класса. Они жили в одном дворе. Знали друг друга с детства. Катя была простая. Понятная. Без тайн. Без пропасти внутри.

Он выбрал её. Потому что с ней было безопасно. Потому что она не ранила. Не отталкивала. Не говорила «отвали» при всём классе.

Тени на потолке двигались медленно. Ветер утих, и ветки перестали биться о стекло.

Майя лежала неподвижно. Руки вдоль тела. Глаза открыты.

Она не знала, сколько прошло времени. Час? Два? Может, уже рассвет близок?

Внутри было тихо. Не та тишина, что приходит после медитации.

А другая. Мёртвая. Тяжёлая. Будто в груди вместо сердца лежал камень.

Она отвергла его.

Не Арсена. Не кого-то ещё. Костю. Настоящего. Своего — единственного, кто видел её насквозь — и всё равно остался.

Он нёс ей черепаху. Серебро. Букву «М». Он думал о ней. Готовился.

Хотел сделать шаг.

А она сказала «отвали».

Голос её в воспоминании звучал чужим. Жестоким. Будто это не она говорила, а кто-то другой, злой, испуганный,

который жил внутри неё и не давал дышать.

Почему?

Вопрос повис в темноте. Без ответа.

Она не знала. Не понимала. Знает только, что теперь — поздно. Теперь у него Катя. Теперь он улыбается другой. Теперь он несёт свою тишину и свою глубину кому-то ещё.

А она осталась здесь. В темноте. С тенями на потолке.

С памятью, которая не отпускает.

Слёз не было. Глаза сухие. Горло сжато. Дышать трудно.

Просто лежала. Смотрела, как тени ползут.

Как ночь медленно перетекает в предрассветную серость.

Костя.

Имя прозвучало в последний раз. Тихо. Как прощание.

И она закрыла глаза. Не уснула. Просто закрыла. Чтобы не видеть теней.

Чтобы не видеть потолка. Чтобы не видеть себя — ту, которая сказала «отвали».

Ночь продолжалась. Без конца. Без сна. Без облегчения.

Просто память. Просто боль. Просто он.

Глава 5. Почему?

Декабрь 1995 год. Утро. Комната Майи.

Солнце взошло яркое, морозное.

Лучи били в окно, скользили по полу, поднимались по стене и ложились на потолок — туда, где ещё несколько часов назад ползали тени.

В комнате было холодно.

Батарея едва дышала, стекло заledenело, и воздух звенел от тишины и стужи.

Майя открыла глаза. Спать не хотелось.

Тяжёлая ночь осталась позади, словно кошмар, который забывают сразу после пробуждения. Но внутри — не было кошмара.

Она встала. Босыми ногами коснулась холодного линолеума. Поморщилась.

Холод отрезвлял. Прояснял голову.

Подошла к зеркалу. Лицо бледное. Под глазами — тени.

Но взгляд — другой. Не вчерашний, потерянный. А твёрдый.

Так жить нельзя, — подумала она.

Лежать в темноте. Бояться телефона. Прятаться от мира.

Нужно двигаться. Искать ответы.

В голове возник первый вопрос. «Почему я поступаю не так, как хочу?»

Хотела быть с Костей. Любила его. Но оттолкнула. Почему?

Ответ пришёл сразу. Без раздумий.

«Я его боюсь»

Университет. Лекционный зал.

Преподаватель писал на доске формулы. Высшая математика. Интегралы. Пределы.

Голос его был монотонным. Убаюкивающим.

Майя сидела у окна. Смотрела на снег. Слушала вопрос внутри себя.

«Почему я его боюсь?»

Костя не кричал. Не угрожал. Не требовал. Он просто был рядом. Тихий. Глубокий.

«Потому что я его не понимаю»

Он был как закрытая книга. Как тихая вода, под которой — омут.

Она чувствовала его силу, но не знала, куда она направлена. На неё? От неё?

«Почему я его не понимаю?»

Мел закрипел по доске. Кто-то зевнул на задней парте.

«Потому что он — не такой, как я.»

Он — логика. Анализ. Контроль. Земля. Она — чувство. Интуиция. Поток. Вода.

«Но другие — тоже не такие, как я. Вадим. Одноклассники. Арсен. Они понятны. Предсказуемы. И неинтересны»

Почему Костя — другой?

«Потому что он — такой же, как ты. Не как все. Но — противоположность»

Всплыла картинка. Физика. Ток. Полюса.

«Вы — как плюс и минус. Притягиваетесь. Дополняете друг друга»

Она смотрела на формулы на доске. Они вдруг стали живыми.

Знаки. Символы. Баланс.

«Если мы должны притягиваться... Почему я его отталкиваю?»

Ответ не приходил сразу. Преподаватель закрыл журнал.
— На сегодня всё.

Следующая пара — обществознание.

Обед. Столовая.

Шум. Ложки. Голоса. Запах котлет и компота.

Майя сидела одна. Чай с лимоном.

Вопрос изменился. Теперь — про Арсена.

«Почему я так легко подпустила к себе Арсена? Доверилась ему?»

Ведь знала его два месяца. А Костю — десять лет.

«Потому что с Арсеном — безопасно»

Он был понятный. Простой. Мотоциклы. Клуб. Друзья.

Он не требовал глубины. Не смотрел насквозь.

С ним можно было быть поверхностной. Легкой. Нор-

мальной.

«А с Костей — нельзя»

С Костей нужно было быть настоящей. А она не знала, кто она настоящая.

Поэтому — убежала. К тому, кто не спрашивал.

Но Арсен — ушёл. Забыл. Предал.

А Костя — стоял. Ждал. Принимал.

«Почему я выбрала безопасное, а не настоящее?»

Ответ был горьким.

«Потому что настоящее — требует силы. А я была слаба»

Вечер. Квартира.

Лекции кончились. Английский. Латинский. Слова плыли мимо. Звуки не цеплялись.

Майя шла домой медленно. Москва горела огнями. Мороз щипал щёки.

Внутри — тепло. Не от одежды. От понимания.

«Вы не синхронизировались»

Эта мысль возникла вдруг. Как озарение.

Она вспомнила. Дневники матери. Соня. Алексей.

Там было описание. Она читала мельком. Раньше. Про дельфинов. Про пару.

Самка сначала шарахалась от самца. Плавала в стороне.

Боялась его близости. Его сигналов. Его поля.

А потом — наступал момент.

Тишина. Взгляд. И — синхронизация.

Они начинали дышать в одном ритме.

Плавать в одном потоке.

Становиться одним целым.

«Мать и отец»

«Костя и я»

Это не болезнь. Не страх. Не ошибка.

Это — процесс. Время. Настройка.

Она не была готова тогда. Её нервная система не выдерживала его силы.

Её чувства захлёстывали. Ей казалось — это боль.

А это — было напряжение. Перед шагом.

«Я не отвергла его»

«Я испугалась силы»

Ночь. Комната.

Майя вернулась домой. Разделась. Повесила пальто.

В комнате было тихо. Родители смотрели телевизор.

Она подошла к шкафу. Открыла нижнюю полку.

Там, в глубине, за книгами, стояла коробка. Деревянная. Старая.

Внутри — дневники Сони. Тетради. В клетку. В линейку. С разными почерками.

Майя взяла коробку. Поставила на стол. Сняла крышку.

Запах бумаги. Старых чернил. Маминых духов.

Она провела рукой по тетрадам. Выбрала одну. Синюю. В твердой обложке.

На первой странице — дата. 1973 год. Лето.

Она открыла. Страницы шелестели. Строки бежали в глазах.

«... он смотрит на меня, и я чувствую, как внутри всё замирает...»

«...страшно подойти. Страшно отойти...»

«...мы как два разных мира. Но они хотят стать одним...»

Майя читала. Губы шевелились. Без звука.

Мама тоже боялась. Мама тоже не понимала. Мама тоже прошла через это.

Она закрыла дневник. Прижала к груди.

Внутри — тихо. Поле успокоилось.

Завтра. Я прочитаю всё. Я пойму. Я научусь.

Чтобы не бояться. Чтобы не убегать. Чтобы синхронизироваться.

Она выключила свет. Легла.

Положила дневник на тумбочку. Рядом с часами.

Сон пришёл сразу. Тяжёлый. Глубокий. Без теней на потолке.

Просто — ночь.

И утро впереди.

Глава 6. Первая тетрадь

Октябрь 1971 года. 3 курс. Биологический факультет.

«Сегодня со мной произошла странная вещь.

Я встретила парня. Не знаю, как его зовут.

Не знаю, с какого он факультета.

Видела только, что в белом халате.

Химик? Физик? Неважно. Важно другое.

Коридор шумел. Кто-то бежал. Кто-то смеялся.

Двери хлопали.

Голоса сливались в один сплошной гул, от которого у меня начала болеть голова.

Я несла стопку книг. Тяжело. Устала.

Хотелось только одного — чтобы всё это закончилось.

Чтобы наступила тишина.

И вдруг я почувствовала.

Как будто вошла в другую зону.

Будто шагнула из шторма в штиль.

Он стоял у окна. Один. Неподвижно.

Смотрел во двор. Будто весь этот шум — не для него.

Будто он — в другом мире.

Я проходила мимо. Случайно подняла глаза.

И внутри — стихло.

Не сразу. Не вдруг.

*Но я почувствовала, как напряжение уходит.
Как голова перестаёт болеть. Как дыхание становится
ровнее.*

*Будто он — тихая гавань. А я — корабль, который на-
конец-то нашёл причал.*

Я не остановилась. Не заговорила.

Просто прошла мимо. Но обернулась.

Он не заметил. Продолжал смотреть в окно.

Рука коснулась подбородка. Медленно. Задумчиво.

Я не знаю, кто он. Но я назову его Тиша.

Потому что рядом с ним — тишина.

А мне так нужна тишина.

Ноябрь 1971 года. 3 курс.

«Я не видела Тишу месяц.

*Целый месяц я ходила по этим коридорам. Поднималась
по той же лестнице.*

Стояла у того же окна. И ничего.

Тишина исчезла. Шум вернулся.

Люди снова давили своими полями, словами, взглядами.

Я уже начала думать: может, этого не было?

Иллюзия. Усталость.

Просто хотелось покоя, и я его придумала.

Нарисовала человека, который несёт тишину.

Так бывает? Бывает.

Но сегодня...

*Сегодня мы опять пересеклись.
В том же коридоре. В то же время.
Он стоял там же. У окна.
Только теперь не смотрел во двор. Смотрел вниз.
И он придерживал подбородок одной рукой. Так забавно.
И меня накрыло. Не просто тишина. А что-то ещё.
Мне кажется, что я когда-то уже видела этот жест.
Не в этом году. Не в этом институте. Не в этой жизни.
Будто я знала его раньше. Будто мы уже встречались.
Там, где не было стен.
Не было шумных коридоров.
Не было этих белых халатов.
Я не подошла. Опять прошла мимо. Опять промолчала.
Но теперь я знаю: он — не иллюзия. Он — настоящий.
И этот жест... он — тоже настоящий.*

Сентябрь 1972 года. 4 курс.

*Тиша, сегодня я узнала списки групп.
Я записалась. Специально. Чтобы быть ближе к тебе.
Но нас развели. Разные подгруппы. Разные руководители.
Разные этажи. Ты — на втором. Я — на третьем.
Между нами — лестница.
Стены. Двери. Чужие люди. Я стояла у доски со списками.
Долго. Пока все не разошлись.
И знаешь, что я почувствовала?*

Не обиду. Не разочарование. Упрямство.

Это ничего не значит.

Этажи — это просто метры.

Стены — это просто кирпич.

Ты — там. Я — здесь.

Но здание — одно. Воздух — один.

Я буду подниматься по этой лестнице. Каждый день.

Я буду проходить мимо твоей двери. Даже если мне туда не нужно.

Я буду стоять у окна на третьем этаже. Даже если моя группа — на втором.

Пусть они разделили нас по спискам.

Но они не могут разделить нас по полю.

Я чувствую тебя. Даже через потолок.

Когда ты приходишь, у меня теплеют ладони.

Когда ты уходишь, становится холоднее.

Это не совпадение. Это — связь.

И никакие этажи её не разорвут.

Я найду способ. Обязательно найду.

Май 1973 года. 4 курс. Накануне практики.

Тиша, скоро практика.

Научный городок. Лето. Мы будем там вместе.

Не на разных этажах. Не в разных корпусах.

В одном пространстве.

Я не знаю, что нас ждёт.

*Иногда мне кажется, что воздух вокруг сгущается.
Будто перед грозой.*

Преподаватели говорят шёпотом.

Смотрят на нас странно.

Будто мы — не студенты. А что-то другое.

Но мне не страшно. Потому что ты — там.

Я просто хочу, чтобы ты знал.

Когда всё начнётся. Когда будет шумно. Или тихо.

Когда будет страшно. Или легко.

Я — рядом.

Не обязательно говорить. Не обязательно смотреть.

Просто знай. Где-то рядом есть человек, который чувствует тебя.

Держит за тебя кулачки.

Готов разделить любую тишину.

Это всё. Больше ничего не нужно.

Завтра — новый день.

И я буду там.

Ночь. Комната Майи.

Майя закрыла тетрадь. Синяя обложка, потёртая по углам, холодила ладони. Она поднесла её ближе к лицу. Запах маминых духов — слабый, почти растворившийся в бумаге — коснулся ноздрей. Не резкий. Тихий. Как дыхание, которое уже не вернуть, но ещё можно вдохнуть.

Мама тоже боялась. Но вместо побега писала: «Я рядом».

Майя вспомнила свои слова — резкие, как осколки: «Отвали».

Мать шла сквозь страх, этаж за этажом, записывая каждый шаг. А Майя бежала. Через парк, через смех, через чужие поля. Искала, куда спрятаться от самой себя. Разрывала нить, вместо того чтобы держать её.

Почему?

Вопрос не требовал ответа. Он просто осел в груди, холодным, знакомым грузом.

Но теперь в руках лежал ключ.

Не метафора. Буквы на странице складывались в карту: синхронизация, дельфины, страх, любовь. Мама прошла через это. Не сломалась. Выжила. Родила её. Оставила эти строки, чтобы дочь не блуждала вслепую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.